

ГЕЙДАР ДЖЕМАЛЬ

ПОЗНАНИЕ СМЫСЛОВ

ИЗБРАННЫЕ БЕСЕДЫ

Мудрость ислама

Гейдар Джемаль

**Познание смыслов.
Избранные беседы**

«ЭКСМО»

2022

УДК 28
ББК 86.38

Джемаль Г.

Познание смыслов. Избранные беседы / Г. Джемаль — «Эксмо»,
2022 — (Мудрость ислама)

ISBN 978-5-04-165048-3

«Познание смыслов» – это новое, принципиально переработанное издание «Разговоров с Джемалем», книги, в содержание которой легли все телевизионные передачи на канале «Радио-медиаметрикс» с одноименным названием. Выпуски данных программ вел журналист канала Олег Дружбинский. Передачи начали записываться в январе и закончились в октябре 2016 года. Практически каждую неделю, в один определенный день, Гейдар Джемаль выходил в эфир, чтобы раскрыть в той или иной степени на протяжении часа тему, которую он сам определял для этой программы. В первом издании книга содержала много неточностей и ошибок, а также в ней отсутствовали несколько тем. Поэтому было решено заново поднять весь первичный видеоматериал, переработать его и составить для ее переиздания. Была проведена большая работа по восстановлению того видеоматериала, который имеется на канале «Радио-медиаметрикс», так как некоторые передачи имели технические сбои в звуке. Максимально все было расшифровано и переложено на «бумагу» с самой первой программы и до последней. В формате PDF A4 сохранён издательский дизайн.

УДК 28
ББК 86.38

ISBN 978-5-04-165048-3

© Джемаль Г., 2022

© Эксмо, 2022

Содержание

Предисловие	8
Конец левой и правой идеи в современном мире	9
Обыватель и миф о «прогрессе»	18
Почему бессмысленно проектирование идеального общества?	27
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Гейдар Джемаль
Познание смыслов
Избранные беседы

Автор проекта и составитель – Константин Тараторин, руководитель издательской группы «Контрудар»

Создание текстов на основе аудио- и видеоматериалов: Руслан Айсин, Динмухамед Миржакып, Константин Тараторин

Редактор, автор комментариев – Ахмед Магомедов

Серия «Мудрость ислама»

© Г. В. Джемаль, текст, 2022

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

* * *

Предисловие

В содержание этой книги вошли стенограммы всех телевизионных передач с названием «Разговоры с Джемалем», выходившие на «Радио-медиаметрикс». Выпуски вёл журналист канала Олег Дружбинский. Их начали записывать в январе 2016 года и закончили в октябре. Каждую неделю Гейдар Джемаль выходил в эфир, чтобы в той или иной степени раскрыть тему, которую он сам определял для программы. К сожалению, в связи с ухудшением здоровья Гейдара Джемалья передачи прервались. В начале октября была записана последняя («Столпы традиционализма»). Она должна была иметь продолжение, но вследствие продолжительной болезни, спустя два месяца (в декабре 2016 года) Гейдар Джемаль умер.

Как-то Гейдар Джемаль выразил мысль (я был свидетелем), что такой формат и подход для написания книги ему нравится. Книгу начали составлять ещё при жизни автора, а в 2017 году издательство «Питер» выпустило ее под названием «Разговоры с Джемалем». Так получилось, что в ней отсутствовал ряд тем, поэтому было решено снова поднять весь первичный видеоматериал, переработать его и объединить для переиздания. Была проведена большая работа по восстановлению того видеоматериала, который имеется на «Радио-медиаметрикс», так как некоторые передачи имели технические сбои в звуке.

Джемаль был мыслителем невыразимого уровня. Сам он не жил, он горел идеей, точно подтверждая высказывание классика, что «есть только две формы жизни: гниение и горение. Трусливые и жадные изберут первую, мужественные и щедрые – вторую».

Гейдар Джахидович не был типичным почитателем книг и знаний, он прикладывал свой ум в практической деятельности, участвовал в политике, причём в неконформистской, острой, опасной. Делал и говорил то, о чём некоторые и помыслить-то боялись. Оттого его мысль имеет живое начало, свою перспективу в реализации.

Он сам говорил, что интерес к его идеям будет только расти. И мы наблюдаем это. Пусть эта книга станет ещё одним вкладом в интеллектуальную повестку и раскроет всю величину личности Джемалья, который актуален всегда. Мыслить – значит быть!

Динмухамед Муржакып

Конец левой и правой идеи в современном мире

20.01.2016

Комментарий Джемалья к постановке вопроса¹:

Самое отвратительное в политическом размежевании подобного рода – это его амбивалентность. В принципе, так называемый «левый пакет» на 90 % состоит из правых тезисов, просто распределённых под другим брендом. Что же касается самого крайне правого – так, извините, стержнем этого идеологического «мракобесия» (с точки зрения левых либералов) оказывается... «социализм»! То есть крайне правый всё равно танцует от сверхзадачи идеально упорядочить общество, «починить», в конце концов, этот чёртов «двигатель внутреннего сгорания», чтобы он зажёвывал людей с максимальной эффективностью. Чистая левизна.

После конца советского социализма в мире бывшие коммунисты и особенно социал-демократы пошли прислуживать победителям в холодной войне. Брюссельская бюрократия, рулящая конструкцией НАТО, переполнена бывшими леваками (некоторые из них даже не считают себя бывшими).

Политический ислам справедливо издевается над этим цирком, над этими игрищами многопартийной демократии. **Политический ислам ориентирован на рассмотрение «юдоли человеческой» в контексте сверхчеловеческой вертикали.** При таком подходе выписывать себе «справку» о своей «левизне» или «правизне» – это означает предстать перед историей в статусе безнадёжного идиота.

Для правых и левых есть шанс при условии, что они несут в себе заряд пассионарности. В конечном счёте именно воля к борьбе и победе, любовь к смерти сведёт воедино богатырей протеста, которые уже сейчас, как всадники Апокалипсиса, маячат на горизонте.

■ *Сегодняшняя тема, которую предложил Джемаль, звучит так: «Конец левой и правой идеи в современном мире». Давайте попробуем сначала разобраться, что такое «левая» и «правая» идея и почему они должны умереть...*

Я бы хотел предварить так. Оттого что мы это обсудим, сегодняшние «левые» и «правые», которые эксплуатируют свои бренды, не перестанут таковыми быть. Они и дальше, я думаю, будут цепляться за эти отработанные уже ярлыки. Тем более что тут есть достаточно широкое разнообразие, потому что «левых», я думаю, даже не пятьдесят оттенков красного, а сто пятьдесят, может быть.

■ *Левыми мы считаем коммунистов, социалистов и всё такое прочее?*

Нюансов очень много. Допустим, человек считает, что налоги должны быть повышены на богатых, – и он уже где-то даже радикал. Есть троцкисты – троцкистов несколько групп совершенно разных: есть посттроцкисты и так далее. Есть международные сталинисты – даже сегодня. Этот большой спектр позволяет маневрировать в таком разнообразии и скрывать суть дела. Конечно, разнообразия у правых гораздо меньше, и идеологическая база более оформленная и более бедная на разные претензии на научность, на предысторию и так далее.

И надо всё это свести к какой-то парадигме – «левой» и «правой».

¹ Все «Комментарии» написаны Джемалем после бесед – перед подготовкой книги к изданию. Некоторые беседы не содержат Комментария.

Моя точка зрения: левые изначально начинали борьбу против Традиции², против иерархии. Откуда взялись левые? Левые – это якобинцы, которые сидели в Национальном собрании Франции, Конвенте. Справа сидели сторонники конституционной монархии, в середине – «Болото», «Жиронда», слева сидели якобинцы. Якобинцы – они, естественно, республиканцы, то есть они были последовательно против иерархии, против церкви. Но не против религии вообще (как известно, Робеспьер был верующий человек; потом они всё заменили культом Великого Существа), – они были против истеблишмента. Потом это всё стало развиваться, диверсифицироваться, всюду оставалась главная линия – против иерархии, против символизма, против трансцендентной нагрузки смыслом, против того, что одни выше других по каким-то сверхчеловеческим причинам – по праву рождения, например, и тому подобное. Далее уже по тому, что кому удалось урвать, – потом это всё стало сводиться на уровень неравенства потребления. То есть когда якобы «добили» (на взгляд обывателя) иерархии религиозного плана, стали уже бороться с иерархиями социально-экономическими...

■ *Левые были за социальную справедливость («Всё отнять и поделить»)?*

Левые были за равенство в потреблении – относительно.

Правые были сначала за сохранение традиций: власть, государство, божественное право и так далее. Но по мере эволюции общества они хватались за то, что возникало. В итоге сегодняшний средний правый отстаивает результаты, получившиеся в итоге двухсот лет наступления левых.

■ *То есть, по сути, сегодняшний правый – обычный либерал («свободный рынок» и всё такое)?*

Да, обычный правый сегодня – либерал, и обычный правый сегодня стоит на защите той платформы, которая лет 100–150 назад была «нормальная», средняя платформа левых. Левые победили в глобальном метафизическом смысле.

Оказалось, что мир, который они получили в итоге, – это не только мир несправедливый, а он стал гораздо хуже, гораздо несправедливее. После того как исчезла иерархия и возник такой либеральный мир, в котором нет символизма, в котором церковь утратила свои особые высшие функции, монархия стала декоративной, дворянство стало присваиваться каким-то футболистам и так далее, – в этом мире несколько десятков человек сосредоточили в своих руках столько богатств, сколько имеет 3,5 миллиарда, беднейшая часть населения. Что было немыслимо раньше, когда мир был якобы несправедлив.

Теперь у левых есть новый фронт – по крайней мере демагогии: «неравенство собственности, неравенство потребления». Они объясняют это тем, что (конечно, это очень смешно, но тем не менее) налоги не так берутся: вот потому 60 человек собрал в своих руках триллионы долларов, что, оказывается, налоги не так берутся. С другой стороны, есть правые, которые отстаивают статус-кво, – именно тот статус-кво, которого добились левые. Левые добились его – правые теперь отстаивают. Но у левых больше манёвра, конечно, потому что они могут себя показать, им есть с чем бороться ещё, а правые как бы защищают. Но им показывают, что мир-то ужасен и его очень сложно защищать. Поэтому у обычных правых очень дискомфортная ситуация.

² Здесь и далее по всей книге под «Традицией» с заглавной буквы имеется в виду сакральное философско-религиозное учение, критикующее современный мир и выявляющее во всех культурах и религиях логику единой интегральной Традиции, некогда существовавшей, но утраченной. Не путать с «традицией» в «антропологическом» смысле – системой норм, представлений, правил, образцов и навыков, которые передаются из поколения в поколение и выступают одним из регуляторов общественных отношений. В этом контексте это слово тоже встречается у Джемали. (Все комментарии – от редактора.)

■ *Может быть именно поэтому в российский парламент не проходят правые фракции последние 10–15 лет? Как только собирается какая-то группа людей под видом правой платформы («Союз правых сил» и так далее) – они все, что называется, «пролетают»...*

Здесь конкретная политика, она не дотягивает до тех высоких мотиваций, которые мы пытаемся сейчас обсудить. На мой взгляд, правых не пускают в парламент и политику потому, что их проход в Думу сразу же обострил бы социальный вопрос. Пришли бы правые силы, и мгновенно классовая борьба вышла бы из закрытого состояния на поверхность, и тогда можно было бы уже говорить о прямой конфронтации. И чтобы не было прямой конфронтации с защитниками олигархического капитала, им не дают проводить свои группы в публичную политику (под ковёр заматают). Это, мне кажется, элементарный, очевидный политический момент.

■ *Левые и правые идеи дискредитировали себя: справедливости не будет, борьба за справедливость приводит к появлению олигархов?*

Со справедливостью есть одна очень любопытная вещь.

Что является справедливостью с точки зрения левых? Они же изначально борются с Традицией, с символизмом, борются с религиозной сверхчеловеческой «нагруженностью» общества. Но общество живёт не для того, чтобы жить, есть, производить, ещё больше есть, ещё больше производить, а у общества есть некие сверхзадачи, у истории есть смысл, есть Бог, есть в конце Страшный Суд, воскресение из мёртвых, – все эти моменты левым были ненавистны, левые их изымали, они боролись с этим как с «бреднями», «поповскими сказками», объясняли, что «производительные силы действуют на производственные отношения», потом действуют на мозги, которые так или иначе всё понимают...

Но есть и другой подход, согласно которому справедливость – это не разделение потребления благ, а **справедливость – это наличие смысла**. Мириады людей проходят бесследно по земле, – и справедливо ли то, что они исчезли в этом потоке песка, который несётся ветром через пустыню времени и бытия? Нет, несправедливо. С точки зрения религии это высшая несправедливость. Жизнь становится абсурдом. Левые считают, что это норма. Но когда они добиваются своего и строят общество, которое представляется им более или менее адекватным, то есть «социобытие», в котором исключена всякая объективная онтология (все становится социальным), то мы погружаемся в абсурд, в бессмыслицу. **Левые убивают смысл. Они добиваются того, что общество, в котором мы живём, – это общество, которое живёт, чтобы жить.** Оно ничем не отличается от садка кроликов, по большому счёту.

И правые в действительности защищают именно эту сторону. Но есть крайне правые, которые говорят, что то, что уничтожено, – это было ценностью, было смыслом (именно иерархия, символизм, Традиция). Они идут в блок, который называется «консервативные революционеры». Они хотят совершить некую контрреволюцию и восстановить иерархию, смыслы, неравенство и так далее в пользу тех старых слоёв, которые когда-то держали «контрольный пакет акций».

■ *То есть они поменялись местами?*

Да. Крайне правые – они как бы «протестные». Понятно, что по большому-то счёту хрен редьки не слаще, потому что то общество, которое деградировало через усилие левых сегодня до «социобытия», в котором нет смысла, – оно отправлялось от той начальной позиции, к которой его хотели бы вернуть эти консервативные революционеры.

Зло не в нынешнем состоянии общества, **зло в социуме как таковом**. Есть нечто в социуме, что является неизбывным античеловеческим элементом, который может проявляться как в господстве феодала над крепостным, так и в бессмыслице социального бытия в какой-

нибудь Швеции, где господствуют социал-демократы и где при огромном потреблении самый высокий уровень самоубийств. И там и там – зло.

Так вот, в чём состоит моя идея? Моя идея состоит в том, что ни левые, ни правые сегодня не кладут палец на нервный узел этого зла, они не обсуждают это зло, для них всё является само собой разумеющимся (как жизнь не задаёт вопросов, не требует вопроса к себе). А ведь надо поставить вопрос о сущности этого зла, и если уж тогда говорить о протесте, – он должен быть не левый, не правый, а совершенно новый.

■ *Какой?*

Я думаю, что скорее всего это должен быть **«теологический»** протест.

■ *То есть верующие против безбожников?*

Это не так просто. Скажем, тот же Маркс с восторгом говорил, что наконец-то сброшены религиозные одежды с социальной борьбы, что раньше люди облекали свои проблемы, конфликты в религиозные одежды, потому что у них все стояло на голове, а не на ногах, а марксизм всё переворачивает на ноги, и речь идёт о производственных отношениях, – что-то в этом духе. Но оказалось, что всего марксизма с его научным социализмом хватило на 150 лет пудрения мозгов. Это короткоживущая модель.

А, допустим, тема катаров, анабаптистов, гуситов, то есть тема религиозной справедливости и религиозного вызова мировому порядку, никуда не ушла. Она была отложена в пользу научного социализма, в пользу народников, эсеров, которые читали Бокля³, всяких атеистов, потом «Капитал» и так далее. Но сегодня с этим «Капиталом» некуда идти.

■ *То есть скорее должна быть религиозная справедливость или справедливость, основанная на неких религиозных постулатах?*

Потому что о смысле жизни говорит только теология.

■ *И философия...*

И философия. Но дело в том, что философия может быть антифилософией. Вот **марксизм – это антифилософия**. Гегель – великий мыслитель, который придал современный вид платоническому дискурсу, Платон XIX века. Потом приходит Маркс, который ничтоже сумняшеся ставит Гегеля, как он выразился, с головы на ноги. А в действительности он просто его разрушает и приводит в некий маразм.

■ *Действительно, в XX веке на все те вопросы, которые стояли перед человечеством, люди получили ответы в виде сталинского коммунизма, фашизма и другого. Эти ответы общество не устроили, поскольку они несли в себе негативный опыт. Вопросы были, как вообще дальше жить всему социуму. Ответов нет, и теперь наступает XXI век, когда снова потребуются эти ответы. Должно ли быть всё по справедливости? Да, действительно, Маркс написал большую спорную экономическую книгу, из которой можно было сделать один вывод: грабь награбленное. И по этому пути пошло народонаселение многих стран...*

Давайте тоже не будем упрощать: не «грабь награбленное», а обобществление средств производства для того, чтобы этим производством завалить массы, которые должны были обожраться, и в результате у них должны были проснуться такие «творческие энергии», что эти средства производства и производительные силы от изобилия этого потребления вырастали ещё многократно до тех пор, пока (тут уже начинается некий космизм) человечество не выхо-

³ Генри Томас Бокль (1821–1862) – английский историк, автор «Истории цивилизации в Англии» («History of Civilization in England»).

дит в ноосферу, не начинает управлять таким куском космической энергии, что меняет физические законы. И дальше бифуркация: одни говорят «бред, и все – ради колбасы», другие говорят «нет, всё для того, чтобы остановить второе начало термодинамики». Это не «грабь награбленное» – повыше чуть-чуть. Но это тупик. Почему это тупик? Потому что даже прекрасная идея остановить второе начало термодинамики не вносит смысла в абсурд.

■ *По вашей логике получается, что когда коммунисты молятся сейчас в православном храме, это не абсурд, а они на самом деле двигаются к религиозной справедливости?*

Честно говоря, никаких коммунистов сейчас не осталось, коммунистических партий нет. КПРФ создана исключительно как политтехнологический приём для разводки определённой части населения. Мы живём же в мире симулякров, поэтому мы не будем всерьёз говорить о том, что они какие-то коммунисты.

■ *И серьёзно говорить, что они верующие, тоже, наверное, не стоит...*

Конечно. Дело в том, что я не уверен, что можно говорить о том, что нынешний папа Франциск серьёзно верующий. Вообще, можно ли говорить о современных жрецах, что они в истинном смысле верующие? Я же сказал о «социобытии», которое возникло в результате усилий левых в течение двухсот лет. В итоге у нас Олимп – то, что было «небом» для бывшего человечества, – стал, метафорически говоря, просто социальным институтом. Если папа Франциск рассматривает себя, свою религию, литургию, ритуалы как некий социальный институт, который можно адаптировать по некой конъюнктуре (взял и переписал мессу, взял и перевёл её с латыни на местные языки, взял и изменил тему, касающуюся антисемитских ноток в католической традиции так, чтобы устроить, допустим, раввинов), – это о чем говорит? Это говорит о том, что мы уже не имеем дело с религией как с религией. Это просто социальный институт, который ведёт какие-то политические игры. В таком случае, верующий ли Папа? Я думаю, что не совсем.

Как-то я общался в Судане (это было в 1994 году) с министром иностранных дел этой страны (у них было два министра: один христианин, другой мусульманин). Христианин был епископ, рукоположенный в епископат архиепископом Кентерберийским. Он был с юга Судана, нилот, очень чёрный. Я говорю: «Скажите, вот вы представляете страну, записанную как „фундаменталистская ось зла“. Вы – христианин, приезжаете, допустим, в Рим, встречаетесь с вашими коллегами. И как они воспринимают вас, посланца фундаменталистской исламской страны, „оси зла“, и при этом христианина, масона, рукоположенного архиепископом Кентерберийским в епископат? Как у них решается этот когнитивный диссонанс?» И он мне ответил бессмертно – до сих пор помню: «Они понимают мою ситуацию». Это было, конечно, потрясающе.

■ *Вернёмся к концу эпохи левой и правой идеи. Если на месте левых, с вашей точки зрения, должны появиться верующие, люди, ищущие справедливость в религии...*

В смысле. В глобальном смысле. **Справедливость – это смысл**, это победа над абсурдом бытия.

■ *Кто будет на правом фланге, кто может заменить правых?*

Дело в том, что тот протест против статус-кво, который должен прийти на место левых и крайне правых (они тоже недовольны статус-кво), – он должен откинуть и тех и других и каким-то образом «всосать» пассионарный импульс оттуда и оттуда, преодолев их детские болезни.

Я приведу конкретный пример. Допустим, вы от левого, который отрицает неравенство, иерархию, сакральные символы, всё значимое, выходящее за пределы здесь-присутствия, во имя того, чтобы потреблять поровну, – вы делаете от всего этого шаг в сторону: понимаете,

что это всё – выработанный бессмысленный симулякр, и приходите к протесту, который ставит во главу угла смысл. Что для вас это сразу означает? Вы отказываетесь от идеи равенства, потому что в контексте смысла не может быть защиты равенства: люди не равны, люди рождаются неравными. И сразу идея равенства как то, за что следует бороться, проваливается в тартарары как ложная идея. И еще целый ряд идей, который был связан с этим. А иерархия какая? Иерархия, основанная на деньгах, основанная на праве рождения, иерархия, основанная на жреческих манипуляциях и ритуалах с посвящением? Тогда вы отрицаете и это тоже, потому что вы же не будете возвращаться. А это значит отказ и от правых иллюзий, от крайне правых иллюзий.

■ *И куда же это придёт? К некоему элитному крылу, которое делит общество на сословия?*

Не совсем так – не на сословия. Я бы так сказал: есть классы в левом, марксистском представлении. Классы определяются отношением к средствам производства и распределению. Но это сейчас уже мало работающая идея, потому что когда вы имеете дело с Ходорковским или покойным Березовским, которые начинали как комсомольцы и младшие научные сотрудники, потом стали олигархами, потом один стал беглецом, другой зэком, – какие тут классы? Они кто – буржуазия? Они не буржуазия, они люмпены. Но люмпен, который становится сначала богатым, потом опять бедным, потом его сажают, потом выпускают и так далее. Эта тема касается не только фигур, которые на виду (они просто иллюстративны). Сегодня в мегаполисе люди являются пылью, которую то вздымают вверх, то опускают. На самом деле не классы определяют внутреннее напряжение между полюсами внутри человечества, а врождённые установки.

В индийском традиционном обществе есть понятие «касты». Это не сословия, это не классы. Это врождённые состояния сознания, души. Человек рождается либо тем, либо иным. Он не может родиться «нулевым», как *Tabula rasa*, он рождается уже кем-то. Он рождается жрецом или воином, или торгашом, или холуём, или люмпеном. Кем-то из этих вариантов. Но понятно, что большинство из этой классификации – пассивные, они только следуют за ситуацией. А две активные являются реальными полюсами: это воины и жрецы. Одни заняты созерцанием и обобщением интуиции жизни (реальности), а другие заняты исправлением ошибок, – при этом на этом пути они готовы приносить в жертву свои жизни. Существуют идеологические доктрины с той и с другой стороны, которые постоянно находятся в ошибке. Их надо расшифровывать: «Доктрина чья, защищает чьи интересы»?

Вот если мы будем смотреть на то, что только две касты, только два полюса являются активными игроками, и борьба между ними определяет всю историю, тогда очень многие вещи для нас изменятся и мы поймём, например, что парадоксальнейшим образом марксизм, который говорит о необходимости диктатуры пролетариата, на самом деле защищает интересы жрецов.

■ *Защищает кастовость?*

Нет. Кастовость есть, она никуда не девается. Человек не может родиться без цвета волос, без цвета глаз. Он рождается в касте. Если он рождается ни в одной из этих каст, тогда он люмпен, – это бескастовое. Люмпенов может быть большинство. Может быть страна, которая почти состоит вся из люмпенов. Это большое для неё несчастье. Но всё равно он кем-то должен родиться. И борьба будет всё равно идти между жрецами и воинами.

Так кто же такие, допустим, те же марксисты? Если мы посмотрим, на кого они работают в конечном итоге, то получится, что мировой марксизм работал на папу римского. Это может показаться смешной идеей, но сейчас нет ни времени, ни пространства, чтобы защитить её. Косвенно работал на папу римского. В обобщённом смысле. Это метафора, но это и буквально.

Октябрьская революция первое, что сделала – восстановила патриарха. Февральскую революцию готовили попы, начиная со «старцев», которые ввели Распутина в большой свет. Первые, к кому пришёл Илиодор, монах-черносотенец, стоявший поначалу за спиной Распутина – большевики. Он пришёл к большевикам с предложением своих услуг⁴. Кто написал «декларацию третьего сословия»? Это же написал Аббат де Сийес⁵.

■ *Кто окажется на месте правых сил? Недавно, разговаривая со своим знакомым, я спросил его: «А ты пойдёшь на выборы?». Он ответил, что нет. Я спросил: «Почему»? Он ответил: «Почему я, человек обеспеченный, с двумя высшими образованиями, имею такой же голос, как тот же дворник, который во всех смыслах ниже меня?» Я не знал, как ему ответить. Я его вам задаю. Может быть, здесь есть напряжение правого фланга?*

Опять-таки очередной симулякр. Потому что выборы всегда и всюду являются манипулируемым процессом, они фальшивые изначально. Особенно они фальшивые в США, где они не прямые – и это в самой главной стране демократии. На самом деле всё не так. Для того чтобы такой человек, как ваш знакомый, не имел один и тот же голос с дворником, отцы-основатели США долго работали и обдумывали, как сделать так, чтобы только голоса «настоящих» людей имели бы значение, а всякая «шушера», которая приползает сбоку, оставалась за бортом. Ещё греческие полисы давали «свободным людям» право голосовать, а остальным, которых вроде никто не гнобил, не пинал ногами, говорили, что они никто: бывшие рабы, вольноотпущенники и всё такое.

В действительности существует маскарад всеобщей демократии. Совершенно понятно, что он настолько «обезврежен», что вопрос вашего друга лишен смысла. Ни его голос, ни голос вашего дворника в равной степени не имеют значения. Они равны не в том смысле, что они оказывают влияние, а в том смысле они равны, что они вообще «нули», – независимо от того, что один дворник, а другой богат.

Это несправедливо. Не яхты, заводы, фабрики и пароходы должны определять вес человека, а другой принцип, который связан именно с теологическим смыслом и с его участием в этом теологическом смысле. Я считаю, что нужна не диктатура пролетариата, а нужна диктатура касты воинов, которые должны бросить вызов Мировой системе, глобальному обществу.

■ *Диктатура, возможно, нужна, и очень часто мы видим, как именно диктатуры побеждают на разных территориях и приводят общество к достаточно гармоничному существованию, но тем не менее... Давайте попробуем понять, кто же на правом фланге. Я представляю, что существуют некие классы, группы или сословия обеспеченных людей, – назовём их «средним классом». Бизнесмен платит налоги – значит, он больше имеет право голоса, а госслужащий, который живёт на эти налоги, имеет меньше прав. Кто платит налоги, тот пусть и голосует. В этом есть некая логика...*

В этом логика опять-таки классовая, то есть марксистская. Потому что кто такой бизнесмен и чем он отличается от «бюджетника»? Только разными отношениями к производственным силам и производственным отношениям, и соответственно – разным распределением материальных благ. Экзистенциально, по «бытийной» сути, этот бизнесмен не превосходит учителя, или чиновника, или пожарника, который получает зарплату. Его реальный внутренний вес как человеческой личности может быть меньше, может быть больше.

⁴ И по личному предложению Держинского начал служить в ЧК, где выполнял «самые деликатные поручения».

⁵ Эммануэль Жозеф Сийес, широко известный как аббат Сийес (1748–1836) – французский политический деятель. В книге «Что такое третье сословие?» писал: «Что такое третье сословие? – Все. Кем оно было до сих пор? – Ничем. Чем оно желает быть? – Чем-нибудь».

■ *Что является тогда критерием его личности?*

Каста и участие в некоем глобальном теологическом проекте. Либо этот человек участвует в проекте, либо борется с ним.

■ *Грубо говоря, если «новые левые» – это те, кто будет связан с религией, с теологическим проектом, то правые, условно говоря – это безбожники и те, кто борется с этим теологическим проектом?*

Сейчас идёт такой процесс: либералы проигрывают во всём мире, идёт процесс крушения либерального клуба, потому что либеральный клуб связал свою политическую судьбу с современной экономикой, «постэкономикой», которая базируется на финансовой спекуляции, на сверхкредите. Либералы – это же не буржуазия. Либералы – это в значительной степени тоже люмпены, только богемные, высокого разбора люмпены, но они тоже деклассанты. И как они могут связать свою судьбу с промышленным капитализмом? Им там делать нечего, там серьёзная наследственная буржуазия сидит. Поэтому они сделали ставку на политический союз со спекулянтами, с финансовым капиталом.

Финансовый капитал – 90 % богачей сегодняшнего дня. Они надули вообще весь мир пузырём. Но теперь, когда они сдуваются, они с собой в историческую могилу уносят и либералов как клуб, как философию, как 200 лет последних усилий. Что будет за этим? Возвращаются традиционалисты и консервативные революционеры, которые ждут своего часа. Это крайне правые, и за крайне правыми стоят те же самые дома, которые правили до Первой мировой войны. И те же попы вернутся. Но оппонентами им будут только религиозные радикалы. И тогда будут два полюса: с одной стороны – те же самые церковь и монархия, которые были 200 лет назад, но вернувшиеся в новом качестве, а с другой стороны – всё те же самые гуситы, адамиты, Мюнцер, анабаптисты, катары, альбигойцы⁶...

И мы возвращаемся к «очищенному» противостоянию жрецов и воинов. А вот что низы поддержат – всё это зависит от политических технологий и стратегий обоих этих полюсов.

■ *Но большая Европа сегодня не религиозна...*

Ну и что? Это же массовка. Решает-то всё равно небольшой процент.

■ *Вы предрекаете гибель либералам, которые сегодня...*

По ним наносят удар не только радикалы со стороны политического ислама, но и новые правые, радикальные правые из консервативных революционеров. Условно говоря, те, кто стоят за крайне правой высшей масонерией («чёрный интернационал»). Они бросают очень жёсткий вызов, они ждут своего часа. Понимаете, Марин Ле Пен, или «Йоббик» («За лучшую Венгрию»), или Партия свободы Австрии, – это такие 10-летние мальчишки с камушками, это «лёгкий вес», они рассеются. За ними стоят настоящие, реальные «волки». А дальше ещё более серьёзные пойдут.

На самом деле битва за человечество будет именно между радикальным исламом и этими крутыми «чёрными интернационалами». Я вам скажу такую интересную вещь: в ИГ (террористическая организация, запрещенная в России) много не просто мусульман из Европы, а это этнические европейцы, принявшие ислам. Эти данные приводит французский журналист Николя Энен, который около 10 месяцев назад был освобождён⁷.

■ *То есть обычные французы, итальянцы, которые просто переходят...*

⁶ Джемаль здесь имеет в виду религиозные движения, которые с точки зрения церкви и власти рассматривались как «еретические».

⁷ В апреле 2014 года.

Да. Потому что это та площадка, на которой можно бросить вызов статус-кво. Ну что – валять дурака и говорить, что надо повысить налоги на богатство и ходить гордо как наследник Маркса и Ленина?

■ *Или бегать с плакатами и требовать «всем по кусочку»... Недавно замечательная статья была о том, что 60 семей владеют более чем половиной собственности в мире...*

Да, шестьдесят две! А несколько лет назад их было триста тридцать с чем-то. То есть в пять раз сузился этот круг. Это называется, марксистским языком, «концентрация богатств в одних руках». Причём у половины человечества за это время уменьшилось то, чем они владеют, на триллион долларов, а у этих шестидесяти, которые владеют аналогичной суммой, выросло на триллион семьсот миллиардов. Не только триллион перекачали себе, но и зацепили ещё и не самых бедных.

Я считаю, что это признак, симптом, но это не главное зло. Левые говорят: «Вот зло: у этих – всё, а у этих – ничего». Но это симптом, это проявление того, что общество превратилось в некую машину зла. Почему? Потому что зло онтологически ему присуще, оно ингерентно⁸. Потому что сама организация социума построена на неких схемах, алгоритмах, которые антидуховны, которые абсурдны, которые «антисмысленны» и которые надо выделять. Религия же всегда против общества – к обществу её приспособливают жрецы.

■ *Да, я помню ваше утверждение, что человек – это враг Бога.*

⁸ Ингерентный – внутренне присущий.

Обыватель и миф о «прогрессе»

27.01.2016

Комментарий Джемали к постановке вопроса:

Обыватель верит в прогресс. Это своеобразный гвоздик, на который обыватели навешивают свои ожидания, комплексы, страх перед собственной малоценностью и мечту о постоянном комфорте. Собственно говоря, идея прогресса неотъемлема от идеи счастья, точнее, либерального понимания счастья.

Конечно, есть некое подставное, «расписное» представление о счастье: домик в деревне или, наоборот, на вершине индивидуального холма, разбухшие от молока вымена, детишки, кувывркающиеся перед этим домиком... Но, если честно, счастье – это, безусловно, таинственный и мистический опыт переживания безвременья. Тут обыватель попадает в противоречие с самим собой. Прогресс только усиливает фактор времени, грузит его, повышает стоимость каждой минуты. **Прогресс, распоряжающийся появлением новых гаджетов, – это враг счастья.** Если последнее всё-таки не понято как наличие крепкой избы.

Американцы впервые вбросили такую низменную и сверхпримитивную концепцию счастья, приплюсовав к ней всеобщее право на него. Кстати, внимательное изучение русской литературы, особенно последних десятилетий перед революцией, показывает глубокую зависимость русского гештальта от Конституции США.

Освободить обывателя от идиотизма идеологии прогресса – это дело благое, потому что вместе с таким освобождением обыватель должен перестать быть обывателем. Но поскольку затраты исторической субстанции на трансформацию обывателя чрезвычайно велики по сравнению с мизерным результатом, те, кто идут в авангарде, лучше пусть сразу освободятся от желания «нести свет людям».

■ *Вы, наверное, уже заметили, что благодаря усилиям медиа в последние десятилетия выведен новый тип человека, который презирует духовные усилия, хочет только потреблять, боится палки и любит попсу. При этом считает себя апологетом и составной частью прогресса.*

Давайте немного поговорим о том самом обывателе, которого мы видим вокруг себя. Ведь вокруг нас, собственно, обыватели и находятся. Гейдар, с чего мы начнём разбирать? С мифа о прогрессе или с самой фигуры обывателя?

«Обыватель» не требует достаточно большого объёма анализа, потому что его очень легко определить. Это человек, который полностью «заточен» на «аргумент тела», а тело, в свою очередь, «заточено» на комфорт. Это гедонист, эпикуреец, но в слабом выражении, осложнённом всякими матрицами этического порядка, то есть с детства ему вбивали в голову, что нельзя отбирать игрушки, нельзя не делиться конфетой, – и это немножко осложняет ему жизнь.

Он бы не хотел делиться ничем, но есть в нем какие-то осколки этических матриц. А так, вообще говоря, ему понятен только материальный аргумент. Если обыватель начинает рассуждать о геополитике, то все его рассуждения сводятся к тому, что «войны идут, потому что передел нефти и газа, гражданские войны вспыхивают, потому что их устраивают спецслужбы, которые, опять-таки, хотят тянуть или не тянуть в данных местах газопроводы», и выше этого он подняться не может, потому что вся история для него – это просто раздел песочницы, это

просто толкание локтями в песочнице и отъем жизненного пространства. Это инфантильный взгляд.

■ *Может, это неплохо, что большинство людей живёт понятием «живи вкусно, дай жить другим»?*

Ну это «большинство людей» возникло сравнительно недавно, потому что если мы переместимся хотя бы на 100–150 лет назад, то подавляющее большинство горожан и тем более подавляющее большинство сельских жителей были вписаны в религиозную матрицу, которая подразумевала, конечно же, альтруизм, жертвенность, готовность к физическому самоограничению. Вообще в России, например, среди дворянства и особенно разночинцев была распространена идеалистическая, этическая модель поведения, когда там было стыдно делать то, сё, третье, десятое...

■ *Почему эта модель вдруг исчезла? Молодое поколение живёт во многом сейчас ради айфонов. А те самые идеалы космических полётов, которые были ещё популярны 50 лет назад, исчезли. Все стремятся только поближе к корыту...*

На моих глазах происходила борьба между носителями «идеалов космических полётов» и носителей «идеалов корыта». Я сейчас скажу о своём личном опыте, а потом мы перейдём на более общий момент. В 1961 году вышла новая программа Коммунистической партии Советского Союза. Эта программа говорила о том, что наше поколение будет жить при коммунизме через 20 лет – в 80-м году. И она впервые дала определение, что такое коммунизм – с точки зрения Хрущёва и его присных. Это было очень вульгарное описание, чудовищное, роняющее авторитет этого слова, которое пользовалось почти мистическим пиететом. Оно было окружено ореолом некоего сверхъестественного.

Что такое коммунизм? Коммунизм – это голубые сады на Марсе. У Алексея Толстого был такой сборник «Голубые города», и он прямо указывал на то, что мотивировка страшных лишений, на который шёл российский народ, – гражданская война, холод, пайка 200 граммов хлеба в сутки, мороз и борьба с Деникиным, с Антантой – это не для того, чтобы было от пуза колбасы. А потому, что (как он написал в «Аэлите») Гусев стоял, разглядывал объявление о полёте на Марс и говорил, что полетит туда, чтобы делать там, на Марсе, мировую революцию. На самом деле такие люди были солью. Конечно, мешочники, которых ловили, расстреливали, были доминантной нотой «внизу». Но двигателем исторического процесса, солью, были такие гусевы – носители мечты, «платоновские» люди (Платонов очень хорошо описывает этот тип).

Товарищ Сталин об этом позаботился. Сталин расстреливал, сажал и уничтожал людей, которые были носителями идеализма. Если ты веришь в революцию, если ты ленинская гвардия, то путь тебе только один – в общую могилу, в безвестный ров. Потому что уже в 35-м году, благодаря его «садоводческой» деятельности, в партии осталось менее 2 % людей, вступивших в неё до Октября 1917 года. Что это значит? Это значит, что люди, которые вступили туда по зову сердца, когда партия была ещё ничем, были выбиты. А те, кто были конъюнктурщики и вступили уже после октября 17-го, они как бы ещё выживали, но дальше начинали работать и с ними.

■ *Но всё-таки были идеалисты. Королев был идеалист...*

Это учёный. Но они – «шарашка», их использовали. Они могли бы и без шарашки работать, но, видимо, считалось, что в шарашке как-то лучше.

Сталин занимался выведением обывателя. Ему нужен был обыватель, нужен был человек, который ориентирован на корыто, колбасу, на верность хозяину, на безыдейность. Это была

целенаправленная установка. Поэтому он покончил с партмаксимумом⁹, ввёл «корыто», «вертушку» – такие главные термины партноменклатуры. И эта мораль распространилась сверху вниз, то есть зацепило всех.

И вот, на моих глазах, в 1961 году, развернулись полемика и борьба после того, как было вброшено: «Что такое коммунизм? Это бесплатная колбаса, которая будет через 20 лет». Народ получил как бы оплеуху. У народа на бессознательном уровне было религиозное чувство, религиозное понимание коммунизма как преображения реальности, преображения природы. Верили в некое таинство, что будет новый человек, что мы сами переродимся, как только коммунизм настанет. А когда он настанет? Это уже было как бы вынесено за порог осознания – как «воскресение» или «вхождение в новую реальность». И вдруг тебе говорят, что коммунизм – это должно быть что-то другое. И что конкретно через 20 лет у вас у всех будет бесплатная колбаса, хлеб, не надо будет платить за квартиру и прочее.

Тогда появились некие молодые люди, учёные (тот же Казанцев, например, автор фантастических романов), которые начали полемизировать: слушайте, у нас нет идей высоких, ведь мы же должны заряжаться неким пафосом, и на самом деле цель-то коммунизма – это выход на уровень ноосферы, как говорил ещё Вернадский, это овладение до 5 % масштаба той энергии, которое солнце роняет на земную поверхность; и как только эти 5 % человечеством будут достигнуты, то человечество выходит в околоземное пространство; а уже как только повысит, допустим, до 10 %, то уже начинает менять физические законы. А что значит менять физические законы? Главная цель (читал это своими глазами в «Новом мире») – это остановить действие второго начала термодинамики в масштабах Вселенной. Она остывает, а человечество делает материю бессмертной. Материя развивается до ноосферы, а потом ноосфера начинает, как Мюнхгаузен за волосы, преобразовать материю и менять законы. Но там такой вой поднялся на это, этих людей так топтали; какие-то академики минцы и юдины писали в «Известиях»: «Ну о чём мы говорим?! Ну, конечно же, колбаса, конечно же, всё ради колбасы!»

■ *Может, поэтому Стругацких так долго не печатали – ведь они тоже были представителями идеализма?*

Я бы сказал, что это не идеализм, а космизм¹⁰, это осколки, разбегающиеся рамификации¹¹ от русского космизма. А русский космизм, в свою очередь, тоже является некой ветвью платонической традиции, западноевропейской. Гегель – это просто Платон сегодня или вчера (ну через две с половиной тысячи лет). Это некий итог переваривания Платона западноевропейским Логосом. И вот, одна из струек – это космизм. Не будем забывать, что космист, незаслуженно забытый Сухово-Кобылин (автор «Смерти Тарелкина»), – он же был гегельянец при этом. Он сделал один из опять же незаслуженно забытых переводов Гегеля. Правда, говорят, что этот текст сгорел при непонятном пожаре его усадьбы. Он известен тем, что, с одной стороны, был гегельянец, а с другой стороны – космист.

Но шла борьба с идеализмом большевистского типа, – я бы даже сказал, троцкистского типа.

Интересно, что русские антисемиты ненавидят Троцкого: они говорят, что он убивал казаков, мучил русских людей, – ну всякую бредятину. Они, как люди невежественные, не

⁹ Партмаксимум – максимальный месячный оклад, существовавший для членов ВКП(б), являющихся руководящими работниками учреждений и предприятий. Партмаксимум был введен декретом ВЦИК от 23 июня 1921 г., который установил, что зарплата ответственных работников не должна превышать 150 % от уровня средней зарплаты в подконтрольных им учреждениях и предприятиях. Этот декрет ограничил для руководителей возможности дополнительных заработков на стороне.

¹⁰ Космизм – ряд религиозно-философских, мистических, художественных, эстетических и научно-футурологических течений начала XX века, объединяемых в одну общность на основании наличия в них представлений о человеке и человечестве как элементах, связанных в единое целое с космосом и развивающихся вместе с ним по неким общим закономерностям.

¹¹ Рамификация (лат.) – разветвление, подразделение.

понимают, что Троцкий был главным защитником всего именно кондово-русского. Во-первых, он был защитником Есенина и его покровителем. Как только Троцкого похитили из ЦК, Есенина убили под видом самоубийства в «Англетере».

Да и рассказыванием занимался не Троцкий – Троцкий был покровителем казаков. Травили и уничтожали казаков Сталин и его люди, а Троцкий как раз был их защитником. Далее, Троцкий был покровителем русского религиозного национал-большевизма. Я уже упоминал, что он покровительствовал Есенину, но он покровительствовал и Ключеву, который был учителем Есенина. А Ключев – это уже «старообрядческое» ядро большевизма, ядро большевизма «снизу», народный большевизм, это керженский дух, который есть у Ленина, как Ключев пишет (я не помню наизусть эти стихи, но есть в Ленине что-то такое керженское, – Ключев писал¹²). Этому всему покровительствовал именно Троцкий. Именно Троцкий со всем антирусским боролся.

А вот кто боролся с русским, это был русский Бухарин. Русский Бухарин – кстати, чисто русский, «любимец партии» так называемой, правый коммунист, – он боролся с балалайкой, с Есениным, с кабацкой Москвой, со всей старой Русью, и он был автором лозунга «Обогащайтесь!», то есть был такой «либерал-гедонист».

■ *То есть, говоря проще, если бы Троцкий остался вместо Сталина, то у нас идеалистов было бы побольше?*

Прежде всего, если бы Троцкий остался, то, наверное бы, изменилась политическая карта мира, потому что, возможно, уже в 20-е годы Европа стала бы социалистической. В конце концов, именно товарищ Сталин провалил наступление на Европу, и его след есть в том, что сорвалось наступление на Варшаву в 20-м году («Даёшь Варшаву!» не получилось), хотя все карты были на руках. Падение Варшавы открывало путь на Берлин. Сталин срывал и после этого. Например, в 36-м году Франция была на волосок от революции при Леоне Блюме, и Сталин сделал всё, чтобы Коммунистическая партия саботировала народное движение. Мы уже не говорим о том, что в Германии (она ещё не была гитлеровской, она ещё голосовала) с одной стороны были НСДАП, с другой коммунисты. НСДАП получила 11,3 млн голосов, коммунисты 11 млн, на триста тысяч проиграли. Но рядом были на 6 млн социал-демократы, и будь они в блоке с коммунистами, НСДАП было бы не видно. А Сталин запретил коммунистам играть с социал-демократами и сказал, что социал-демократы – это социал-фашисты. Если бы коммунисты и социал-демократы были в блоке в 33-м году, то Гитлер не пришёл бы к власти вообще. Масса таких моментов, которые показывают, что товарищ Сталин хотел больше всего вписаться к нашим «партнёрам», то есть у него повестка дня была абсолютно современная – вернуться в состав наших «партнёров», но более или менее равноправным.

■ *Вернёмся к обывателю. К 80-м, 90-м годам прошлого столетия, когда распался СССР, во многом обывательская психология наших сограждан вышла на первый план, и все те идеальные представления о мире будущего с яблонями на Марсе и изменениями второго закона термодинамики отошли на задний план, а сейчас про них никто не вспоминает, то есть помимо неких установок сталинского периода были всё-таки какие-то идеалисты, как мне кажется...*

Идеалисты, которые выстраивали свой идеализм от концепции империи. Это «идеалимпериялисты».

¹² Николай Ключев: Есть в Ленине керженский дух, Игуменский окрик в декретах, Как будто истоки разрух Он ищет в «Поморских ответах».

■ *Так вот, обыватель сегодня во многом даже не вспоминает об идеалах. Если в сталинское время или, скажем, в 60-е годы, которые Вы привели, была хрущёвская программа построения коммунизма и всё-таки об идеализме ещё спорили, сейчас уже практически никто не спорит. Или остались представители идеалистического мира?*

Абсолютно, по-моему, нет, – кроме очень узких кругов. Это практически эксклюзив. Ну, может, люди, близкие к Дугину, сам Дугин. Поскольку Дугин уже вошёл в академический истеблишмент – всё-таки профессор, дважды доктор наук, – то можно сказать, что он является уже не маргиналом (мало ли кто есть среди маргиналов – мы не знаем), а это представитель академического истеблишмента. Но он представитель геноновского традиционализма. Вот он – один, может быть, у него есть ещё несколько учеников. Все остальные, которых мне приходилось читать, – это такой звериный даже не материализм, а это агностицизм, это ползучий эмпиризм, гедонизм, это крайне конкретная заземлённая форма эпикурейства, даже так: их этика – это «идеализм-лайт». Да там нет и этики никакой. Этика не работает в наших российских условиях.

■ *Вам не кажется, что в этом есть влияние англо-американского мира, англосаксонской модели?*

Есть. Потому что англосаксонская модель дала много образцов, паттернов того, что я сказал: в частности гедонизм, агностицизм, ползучий эмпиризм – это все привычные для англосаксонской, если можно так выразиться в кавычках, конечно, «мысли».

■ *Я в своё время наткнулся на цитату Оскара Уайльда, он определял цинизм так: «Никакой ценности нет, но всему есть цена». Проще говоря, всё можно купить. Эта циничная формулировка очень характерна для англосаксонской модели. Ведь сегодняшнее общество именно в этих категориях и мыслит...*

Англосаксонская модель корректируется тем, что там есть масонско-протестантское ядро, которое абсолютно реально верит в провиденциализм, в конец истории, в преображение мира, в спасение человечества, «Иисус любит тебя» и так далее, – это то, что в голове у таких персонажей, как Буш. Это ядро реально, и оно оказывает серьёзное влияние.

■ *Соответственно, «бог хочет, чтобы ты был богатым»?*

Дело в том, что этого коррелята здесь-то нет, здесь нет ничего подобного Бушу, здесь нет ничего подобного «библейскому поясу»¹³, фермерскому протестантизму. А на самом деле тут есть более широкий спектр проблемы. Потому что мы начали-то говорить об обывателе и прогрессе. Прогресс для обывателя очень тесно связан с его «заточенностью» на «аргумент тела», потому что прогресс для него есть повышение комфорта.

Фрейд определял изначальное состояние человека, от которого тот отпадает и испытывает травму рождения, – с чем он порывает? С океаническим блаженством, которое испытывает зародыш в матке, потому что он плавает в околоплодных водах, в жидкости, и у него абсолютная защищённость, абсолютное отсутствие неприятных раздражителей, которые материнский организм берёт на себя и цензурирует. И он находится в таком абсолютном слиянии себя и среды, где субъект и объект не различаются. Это океаническое блаженство. Как некая рыба в воде. Даже лучше, гораздо лучше. Но при этом – травма рождения. Он проходит через родовые пути на жёсткий холодный воздух, в его глаза сразу бьёт свет, сразу в ушах крики звучат, неприятные голоса, – страшный удар. И дальше уже человек стремится вернуться к

¹³ Под «библейским поясом» имеется в виду регион в Соединённых Штатах Америки, в котором одним из основных аспектов культуры является евангельский протестантизм.

этому океаническому блаженству, то есть всё, что он делает, – это для того, чтобы погасить удар среды и вернуться в состояние эйфории, когда нет разницы между субъектом и объектом.

Так вот, для обывателя прогресс есть не что иное, как всевозрастающее движение назад от резко неприятной среды к этому состоянию океанического блаженства, к Золотому веку, когда между человеком и средой не было зазора, он не знал, что такое дождь, снег, холод и не нуждался ни в огне, ни в пещере, а просто купался в водах этого мира.

А что такое прогресс? Прогресс – это искусственная технологическая замена мистического Золотого века: гаджеты, самолёты, которые доставляют тебя за два часа за тысячи километров. Это какая-то медицина, которая тебя протектирует. Прогресс привязан к телу.

Но в действительности прогресс имеет ещё и очень серьёзную негативную коннотацию. Если посмотреть на современный мегаполис, то большинство жителей – потомки тех, кто сидели по медвежьим углам ещё три поколения назад. Взять Париж: это бретонские рыбаки, какие-то крестьяне – а французские крестьяне сто лет назад были очень дремучие, не менее дремучие, чем российские крестьяне. Они все сидели по своим углам и они все были «домотканые», носили берестяные порты, метафорически выражаясь, и время их, с точки зрения тогдашней экономики, стоило копейку. Причём день, год, может быть, вся их жизнь стоила копейку, если посчитать экономически. А их потомки, которые являются уже офисным планктоном, – их час стоит уже дорого. В этом смысле прогресс есть не что иное, как повышение стоимости жизненного времени обитателя мегаполиса. И мы видим, что воронка прогресса заточена на то, чтобы увеличить массу стоимости коллектива человеческого материала. Сначала повышается стоимость времени мужчин, потом видят, что у нас есть ресурс, – «бабы не работают, бабы стоят у плиты, с детьми возятся, – ну-ка давайте их в экономику вбросим и за счёт этого тоже накрутим стоимость их жизненного времени и получим прирост общего капитала, связанного с человеческим временем». Включают женщин. После этого начинают смотреть: а где что у нас ещё? Вот фермеры сидят – сокращают и эти медвежьи углы, заставляют мигрировать в город сначала безработными, потом используют на примитивных строительствах дорог, заводов. Потом, если они в конечном счёте всё равно оказываются безработными, то нагружают их функцией: быть поводом для социальной программы. Безработный получает пособие, и вокруг него крутятся сто человек, которые получают на том, что они занимаются этими безработными, – ходят, проверяют муниципальное жилье и так далее.

Прогресс заключается в том, чтобы наращивать стоимость человеческого капитала, который заключается в оценке времени. А ведь это есть, собственно говоря, отчуждение в чистом виде, это прямое ограбление человека. Да, конечно, офисный планктон не будет сравнивать себя с дедами и прадедами, потому что они ходят на фитнес, в какие-то бары, ночные клубы, и они довольны своей жизнью, но ведь они абсолютно двумерны. Вся их жизнь – это просто трансформация длительности их времени в стоимость. Вот это – прогресс.

■ *Я так понимаю, что идеализм, который 100–150 лет назад был во многом определяющим поведение общества, он сейчас не продаётся. Продаются автомобили, айфоны, фитнес, а идеализм продать нельзя – разве что в виде секты или религии какой-нибудь?*

Я думаю, что ситуация такова: 150 лет назад идеализм никто не продавал, идеализм был ещё остаточным. Это была инертная задержка неких предыдущих матриц, которые не успели 150 лет назад ещё рассыпаться. Ведь было замечено, что обыватель всегда живёт в предыдущем столетии, а элита – в следующем. Скажем, в XX веке средний человек живёт в XIX веке, а его авангард уже в XXI, в постмодерне, а обыватель и низы – они ещё «в Дарвине», они ещё в теории эволюции, они ещё, так сказать, в борьбе с церковью, которая уже не интересуется никого на уровне XX века, но для простых людей это всё ещё актуально.

■ *Может, и неплохо, что так много обывателей? Скажем так, пусть стадо себе живёт и живёт, зато за его счёт люди смыслённые, быстро соображающие могут получить много благ от жизни...*

Так это возврат к тому же самому – к колбасе и к аргументу тела. Вопрос в том, что, если мы имеем какие-то цели в жизни, они всегда автоматически уходят за рамки сугубо индивидуально человеческого, они являются «супраиндивидуальными». Реально невозможно иметь серьёзные цели, которые были бы ограничены рамками человеческого формата в телесно индивидуальном смысле. Есть такой убогий, калечный вариант: американская мечта – индивидуальный проект каждого американца. Когда он рождается, у него есть задача реализовать некий гештальт: домик, семья, которая выращивает детей, газонокосилка, определённый комьюнити вокруг него, и так далее. Но это исключительно инвалидная, уродливая вещь. Она была бы ничего, была бы просто как некий такой сон, было бы даже забавно, если бы это было замкнуто в такой инфернальной склейке ленты. Как в некоторых американских фильмах показывают, что это превращается уже в бесконечное кружение, как на том свете.

Вопрос в том, что человек смертен. А смертность сразу ставит вопрос о смысле всего остального. Она всему придаёт смысл и одновременно она лишает смысла все те детали, которые человек, погруженный в жизненный сон, воспринимает всерьёз. Например домик, газонокосилка, детки, пошедшие в школу.

Я называю это «минимальным человеческим пониманием». Я писателей делю на две группы. Те, которые его имеют, и те, которые не имеют. Не имеющие могут быть очень талантливые, но... Поясню, что хочу сказать.

Вот есть Толстой – он классический обладатель этого минимального человеческого понимания, которое он выразил в рассказе «Смерть Ивана Ильича». Иван Ильич обнаруживает, что он умирает, и он, раз за разом, с каждой минутой, понимает, что всё, что для него было ценностью, абсолютно бессмысленно. Он думает: ну вот у меня есть Аннинская лента, ну вот у меня «Станислав с мечами», ну вот я, допустим, тайный советник. Но всё оказывается чушью. Перед лицом смерти, которое всё перечёркивает и уничтожает, не работают ни «Станислав с мечами», ни «тайный советник», не личная благосклонность государя. Всё это упраздняется. У Льва Николаевича было это минимальное человеческое понимание, которое начинается с отмены всех привычных ценностей жизненного сна перед лицом смерти.

Парадокс, но у Достоевского не было этого минимального человеческого понимания, он избегал его иметь. Хотя у него Мышкин рассуждает по поводу казни, описывает переживание ведомого на казнь. Да и самому Достоевскому имитировали казнь. Ну казалось бы. Но у него вообще нет ни звука на уровне той же «Смерти Ивана Ильича», рассмотрения того, что всё это барахтанье в жизненном сне бессмысленно перед пропастью. Ради чего? У него этого нет, а у Толстого есть. Достоевский более талантлив, он более драматичный, более насыщенный, но у него нет этого минимального человеческого понимания.

Так вот, Америка стоит на полном отсутствии минимального человеческого понимания. У неё вообще нет идеи, что смерть отменяет весь этот бред, который называется жизнью.

■ *То есть концепция заключается в том, что живёшь один раз, и постарайся от этой жизни больше всего забрать, – правильно я понимаю?*

Я думаю, что концепция заключается в том, что ты реализуешь одно желание за другим. Они же говорят друг другу и всем остальным, что в этой свободной стране ты можешь сделать всё что хочешь, стать кем хочешь, реализовать любой план, ты можешь стать даже президентом США. И всё это вместе образует яркий фейерверк каких-то возможностей, в которых исключено то, что эта штука погаснет, что её можно обесточить. И потом, если посмотреть изнутри, то президент США ничем не отличается от чирлидерш – девочек, которые мотивируют команды, размахивая флажками. Всё основано на том, что люди находятся в глубоком

сне и этот сон не должен прерываться. И потом ты мягко засыпаешь в доме для престарелых, больше не просыпаешься, к твоему камушку приходят родственники попрощаться.

■ Я когда-то в молодости прочитал концепцию смысла жизни Жана Поля Сартра, которая заключалась в следующем: смысл жизни в том, чтобы поинтереснее замаскировать полную бессмысленность своего существования. И меня, конечно, огорчила эта идея, я пытался как-то маскировать поинтереснее бессмысленность своего существования, ничего особенного не получилось. Что же делать?

Я почему остановился так подробно на американской бессмысленности? Потому что хотел сказать, что любое движение к смыслу выводит нас за рамки чисто человеческого пространства, чисто человеческого объёма, – то есть дом, семья, некий индивидуальный успех и так далее. Это всегда проект, связанный с перешагиванием через границы.

Почему, собственно говоря, даже в традиции революционных движений, исторического социализма всегда говорилось о «новом человеке»? Потому что нет смысла давать свободу, равенство и полноту материальных возможностей человеку, который имеет место быть сейчас. Мы имеем вокруг себя вот таких людей, которых мы видим, ну допустим, с точки зрения французских просветителей XVIII века, – и что? И мы говорим, что все права человека и гражданина – им, и мы будем добиваться, чтобы короля не было, а вместо этого все бы плясали карманьолу и все эти людишки были бы вместо короля. Даже для самых крутых якобинцев это довольно бессмысленно. Поэтому подразумевалось, что эти люди будут другими, что они действительно превратятся в неких сверхлюдей, в ангелов, в титанов, и им принадлежит уже и равенство, и братство, и свобода, и всё. Но это перешагивание. Если сказать, что всё должно принадлежать именно этим сирым, убогим, ничтожным и так далее, то я думаю, что от этого отмахнулись бы и Робеспьер, и Марат, – все бы отмахнулись.

У всех есть идея перешагивания через границы человеческого. И это правильно, потому что человек, в общем-то, – это туча, которая чревата молнией, что должна из неё сверкнуть, и эта молния есть нечто большее. Я, конечно, не хочу цитировать и повторять Ницше – «...я провозвестник молнии... но эта молния – сверхчеловек»¹⁴, – нет. Сверхчеловек – это не религиозная концепция, это антирелигиозная концепция. Религию надо понимать шире. Религия – это не только поклонение Творцу. И даже более того – это гораздо более внутренняя вещь, для которой поклонение Творцу – это просто некий фон, некое оформление. Религия – это проект свершения, это действительно преодоление чудовищной тяжести, чудовищного закона тяготения.

Мы находимся все в гравитационном поле. Это то, что превращает энергию в вещество, то, что сгущает субстанцию. Сначала она огненная, лёгкая, свободная и бесконечная во всём протяжении, а потом она превращается в такую чёрную дыру на выходе. И вот это – Рок. Это движение от лёгкого и subtilного к густому, плотному и уже не выпускающему даже свет из своих черных объятий, – это Рок. Это то, что называется движением Времени, движением Рока. И, собственно говоря, в чём состоял пафос древнегреческих героев – Одиссея, Ахилла? В вызове Року. Они поднимались и бросали вызов Року. А это значит, что они бросали вызов гравитации, понятый метафизически и духовно. Это суть религии.

В чём сверкающий пафос монотеизма, ислама? В том, что этим героям дано обещание, что они будут правы. Древнегреческим героям никто не давал – Ахиллу и Одиссею никто не давал такого обещания.

¹⁴ Точная фраза из «Так говорил Заратустра»: «Я люблю всех тех, кто являются тяжелыми каплями, падающими одна за другой из темной тучи, нависшей над человеком: молния приближается, возвещают они и гибнут, как провозвестники. Смотрите, я провозвестник молнии и тяжелая капля из тучи; но эта молния называется сверхчеловек».

■ *А Прометея приковали к скале и долго клевали печень...*

Прометей не герой, он титан. Во всяком случае, герой поднимался, зная, что он обречён. Он поднимался на баррикаду своей экзистенции, зная, что он проиграет. Потому что древне-греческий герой в своём замечательном шлеме с конской гривой, с коротким мечом, с голыми ногами, стоящий среди скал и морей, – он знал, что обречён, но он всё равно поднимался. И в конечном счёте именно этому герою приходит обещание: «Есть в этом мироздании, абсолютно несправедливом и абсолютно ошибочном, такая дыра, через которую ты можешь выйти к свету». Есть обещание. Это, собственно, суть Откровения пророков, – я имею в виду авраамических. Это суть нашего чистого монотеизма, который идёт от Авраама. Древние греки остались без этого, а у нас это есть. У нас это есть, если это правильно понять и правильно использовать.

Поэтому это всегда перешагивание через границу гравитации, понятой метафорически. Мы все погружены в это каждую секунду не только потому, что нас тянет к земле, но и потому, что мы не можем сделать что-либо, и «не можем» – это главное в нашей жизни. «Не можем» – это главное в нашей жизни. Поэтому **борьба с «не можем» – это всегда религиозная борьба**. А искусство возможного, политика, *real politic* как искусство возможного, – это реп-тильное искусство приспособления, это как раз **антирелигиозный** путь обывателя.

Ещё раз я хочу подчеркнуть, что прогресс – это, конечно, чудовищный, убийственный, античеловеческий процесс, в ходе которого человек как сейф, из которого берут деньги. Открывают когда нужно, берут пачку за пачкой, тратят. В конце концов рука просовывается в очередной раз – а там пусто на полке, человек уже полностью пуст. Нельзя сделать человека более задействованным и удорожить его время больше, чем сейчас в Париже или в Нью-Йорке у офисного планктона, который крутится как белка в колесе. Вот выше этого уже не прыгнешь. А нет ресурса превратить остаток человечества, этих бедных 3,5 млрд людей, которые живут на доллар в сутки, и подтянуть их к Парижу и Нью-Йорку. Таких денег нет. В СССР решили этот вопрос: 150 миллионов мужиков сделали «стахановцами», «гагановцами», героями и так далее. А сейчас 700-миллионную Африку сделать «героями труда» – нет таких денег.

Почему бессмысленно проектирование идеального общества?

03.02.2016

Комментарий Джемали к постановке вопроса:

Главный и безусловный враг человека – это общество как таковое. Человек предстоит перед обществом: он, фигурально или буквально выражаясь, стоит на коленях, – общество же является ему в виде огромного храма с широко распахнутыми дверями и сиянием, исходящим изнутри. Там, внутри этого храма, нет жрецов. Точнее, всякий, кто вошёл, становится жрецом.

И в чём же цель проектирования? Неужели кто-то думает, что «идеальное общество» корректирует «искривление» человеческого фактора? Да нет, конечно. Идеальное общество просто отменяет человеческий фактор как глупую архаику.

Но на пути этой машины встаёт союз смертных, община верующих, заключивших завет с Авраамом и всеми, кто от него изошёл, чтобы свидетельствовать об Ином. Вот почему, согласно преданию церкви, Христос говорил: «Царство моё не от мира сего».

Ключ к пониманию того, что такое община, содержится в понятии братства. Это взрывное, сокрушающее понятие, которое вместе с тем амбивалентно. Есть братство, которым повязаны те, кто телесно прошёл одни и те же родовые пути. Такие братья объединены общим для них чревом матери. И, конечно, это физическое кровное братство кое-что может. Однако оно представляет собой антитезу подлинного братства, где братья не входят в мир через единое чрево, а уходят из этого мира через единую для них общую могилу. Союз смертных всегда помнит о том, что подлинное происхождение революционной знати проявляется не через вагину в начале, а через разверстую яму в конце.

■ *Поговорим о социал-утопизме: почему это хорошо и почему это плохо. Почему так долго мечтают люди об «идеальном обществе»? Откуда это взялось, как вы думаете?*

Вообще эта тема, наверное, стала актуальной после реализации советского проекта и особенно после его конца, потому что сразу возникли вопросы: а то ли это было? Не было ли это всё изначально заблуждением, не было ли это все играми воображения и так далее? Потому что советский проект уходит своими корнями в очень серьёзную традицию. Это традиция Мора, это традиция Кампанеллы, и люди одушевлялись – по крайней мере интеллигенты, которые шли в революцию, – этой тематикой. Достаточно только вспомнить Чернышевского с его фаланстерами¹⁵. И сколько вообще волн поднял этот проект.

А сегодня говорят: «А реально ли было это вообще построить? Был ли это социализм, не был социализм?» Но дело-то не в этом. Дело в другом: есть изначально какая-то чудовищная ошибка в том, что человек пытается решить какую-то свою глобальную проблему через моделирование общества, которое в конечном счёте становится чем более «идеальным», тем более для него страшным.

¹⁵ Фаланстер – в учении утопического социализма Шарля Фурье дворец особого типа, являющийся центром жизни фаланги – самодостаточной коммуны из 1600–1800 человек, трудящихся вместе для взаимной выгоды. В романе Н. Г. Чернышевского «Что делать?» Вера Павловна видит фаланстер в четвёртом сне.

■ *Но ведь мечта об идеальном обществе всегда существовала со времён разговоров об Эдемском рае, о Золотом веке человечества, где все будут счастливы, сыты, все друг друга будут любить, будет свобода, равенство, братство...*

Золотой век – это не совсем общество, не совсем ассоциируется с обществом. Потому что здесь мы должны провести очень чёткую грань. Она может быть стёрта, может произойти слияние двух этих понятий – понятий «человечество» и «общество». Когда мы говорим о Золотом веке, об Эдемском рае, то мы говорим либо о человеке как Адаме – индивидуальном, предстоящем Творцу, природе, в гармонии, – либо, если говорится о Золотом веке, то есть уже о человечестве, то говорится именно о человечестве, а не об обществе. Общество появляется после Золотого века, оно как раз появляется как ответ на исчезновение Золотого века. Потому что идея общества – это защита человека от враждебной среды.

Что такое «общество»? Это компенсация того, что Золотой век ушёл. Был Золотой век – и человек не чувствовал, что есть дождь, жар, зной, голод, холод...

■ *А был ли Золотой век вообще?*

Будем исходить из того, что был. Потому что нам об этом говорят Гесиод («Труды и дни»), говорит традиция масонов, говорит индийская традиция о том, что с «Сатьи-юги» начинается человечество. Будем исходить из того, что как бы был, – если мы уж говорим об утопии...

Золотой век – это не общество, это человечество, которое находится в абсолютной гармонии со средой. А общество – это компенсация, защита, это такая раковина, которая образуется вокруг человечества, потому что среда становится враждебной. Ну то, что она враждебная, это уже не миф, это уже не обращение к какому-то неведомому прошлому, которое то ли не было, то ли было, а мы свидетели того, что среда-то враждебна. И эта среда должна быть преодолена социумом. **Социум – это такая устойчивая система, которая может выдержать испытание любой катастрофой.** Например, если у племени где-то в лесах Амазонки возникают какие-то проблемы с карпом в данной речке, то племя вымирает. А если мы уже говорим об обществе, даже древнем обществе, древнеегипетском или минойской культуре, то там потоп и землетрясение, но всё равно это всё не стирается, всё равно цивилизация: общество находит ресурс, чтобы восстановиться. Это некая сверхчеловеческая сила.

■ *Почему же тогда вы считаете бессмысленным проектировать идеальное общество? Ведь много раз к этому подбирались. И Французская революция, свержение Бурбонов, порубили голов немерено, – и всё это под мечты о том, что у нас возникнет «идеальное общество»...*

Напомню, что перед тем Руссо писал о «добром дикаре»¹⁶, то есть он готовил почву не тем, что он проектировал некую суперцивилизацию, а тем, что он проектировал уход от цивилизации, – от естественного человека.

■ *Французские просветители много сделали на ниве идеализма...*

У них акценты были прямо противоположны большевизму. Потому что большевизм был технократически ориентирован, а просветители французские были ориентированы, скажем так, «экологически». Это был «социал-экологизм» того времени: «добрый дикарь», свободный от язв социума.

Почему идеальное общество проектировать бесполезно? Не то чтобы бесполезно – смотря с какой точки зрения, кем вы хотите быть в этом обществе. Если вы хотите быть там вертухаем, то это самое то – для вас это идеальное общество.

¹⁶ Согласно Жан-Жаку Руссо (1712–1778), примитивный человек – дикарь – был принципиально добрым и органичным существом.

■ *В идеальном обществе будут вертухаи?*

«Идеальное общество» – это вертухайская организация.

■ *Не об этом же мечтают люди...*

Вы просто возьмите любой текст – возьмите «Город солнца», те же «фаланстеры» Фурье, возьмите то, что описывает Достоевский («устроение по разуму», против которого возражает его «человек из подполья»), – это ГУЛАГ, это разные виды ГУЛАГа.

И я хочу сказать, что иначе быть не может, – в силу самой метафизической природы социума. **Социум – враг человека.** Я могу объяснить, почему это так.

■ *То есть социум – враг человека. Если человек пытается создавать новый социум...*

Чем более он идеален, тем более он враг. Вот в чём дело...

■ *Но ведь можно выстроить социум, который бы устраивал всех людей? Представим себе, что всё человечество не хочет иметь границ, не хочет иметь никаких препон для своего существования, и всё человечество будет акционерами какой-то одной большой корпорации, которой будет принадлежать Земля. Представим себе такую капиталистическую идиллию.*

Великолепно. Вопрос только в том: что будет с человеком как экзистенциальной единицей в этом реализованном идеальном проекте? Потому что у нас есть два компонента: у нас есть человек, который, как говорит Достоевский опять-таки, хочет жить по своему глупому разуму, «по своей глупой воле пожить»¹⁷, и у нас есть идеальное общество, которое может предоставлять или не предоставлять какие-то свободы, возможности и так далее. Но их соединение – это очень тонкая и интересная вещь. Потому что сейчас, будем откровенны, реализована в глобальном обществе утопия в чистом семантическом смысле. Ведь «утопия» что означает? Утопия – это место, которого нет, то есть отсутствующее место. Что такое глобальное общество? Это общество, которого, по определению, нет нигде, потому что оно везде. Утопия уже реализована технически.

И что же мы видим? Мы видим довольно страшную ситуацию. Мы видим, что человеческий фактор в этом обществе умалется, сокращается. А мало-помалу для нас становится все более ясно, что общество играет роль нечеловеческого фактора в нашей жизни. Я бы так сказал: каждый из нас, рождаясь, сразу предстоит перед обществом как средой. Допустим, если бы я был героем Даниеля Дефо, Робинзоном Крузо, – то ли родился, то ли выброшен кораблекрушением на берег необитаемого острова, – то мне бы предстояли море, песок, пальмы, крики чаек и так далее, то есть **среда**. Когда я появляюсь, рождаясь в нашем пространстве, я оказываюсь здесь вместо моря, песка и криков чаек (хотя всё это может быть эпизодически в социуме, которое поглотило всё, абсолютно всё). Социум – даже если я поеду куда-то, где есть только крики чаек и песок, – там всё равно будет социум. Потому что пляж, море и так далее стали уже социальным явлением, социальным институтом.

Но в чём проблема? Общество стало судьбой – а может быть, оно давно таким являлось. Общество – это судьба. Для нас общество – это судьба в том смысле, в каком гравитация – это «судьба» физических тел. Вот имеет ли «судьбу» физическое тело? Имеет. Оно имеет закон тяготения, который над ним довлеет, который определяет его «физичность». Вот точно так же «социальность» является судьбой каждого из нас, и эта социальность является фактором чего-то совершенно вне нас находящегося.

■ *Хорошо, социум – враг человека. Но ведь каждый человек в отдельности – враг социума? Большинство людей не бунтуют против социума, и я так думаю, что 99 % людей*

¹⁷ Ф. М. Достоевский. Записки из подполья.

вполне устраивают эти общие социальные нормативы – купить жене шубу, купить машину, получить. В этих ориентирах обычный среднестатистический человек отлично себя чувствует и выживает...

Правильно. Потому что человек прошёл длительный процесс поглощения его как человека, как человеческого фактора, обществом. Допустим, двести лет назад, сто пятьдесят лет назад в медвежьих углах крестьяне русской губернии или бретонские рыбаки не были интегрированы в общество, – по крайней мере в такой степени. Потому что община, которая имела место в деревне России – рыбацкой или пахотной, – это не общество. Это действительно община. Община – это совершенно другое. **Община – это узкий коллектив людей, которые знают друг друга**, и это действительно система личных связей, личных индивидуальных отношений между семьями, между членами этого маленького посёлка, городка, деревни. Но по мере того, как эти люди перемещаются в большие центры, в мегаполисы, их потомки превращаются в винтики, и их человеческое содержание мало-помалу растворяется. То, что они довольны этим, то, что они находятся в некоем социальном сне, – это ведь не говорит о том, что это хорошо.

■ *Вспоминая свой юношеский идеализм, я всё-таки думаю, что во многом именно построение социальных утопий продвинуло человечество вперёд. Давайте вспомним 8-часовой рабочий день, который так долго требовали в царской России, который всё-таки подтвердили большевики. Это одна из ступенек социальных утопий. Давайте вспомним всеобщее избирательное право, которое тоже было сначала придумано в виде социальной утопии и, наконец, его все получили, включая женщин. То есть разные пути, которые человечество сначала придумывало для себя в виде такого проекта идеала...*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.